

УДК 81'373:[811.161.1+811.161.3]

UDC81'373:[811.161.1+811.161.3]

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ФАКТУАЛЬНЫХ СХЕМ В НАУЧНО-
ГУМАНИТАРНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ****PRAGMATIC SPECIFICS OF FACTUAL
SCHEMES IN SCIENTIFIC
HUMANITARIAN ARGUMENTATION****Т. Н. Савчук,***кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
прикладной лингвистики БГУ***T. Savtchouk,***Candidate of Philology, Associate
Professor of the Chair of Applied
Linguistics of BSU*

Поступила в редакцию 27.10.16.

Received on 27.10.16.

На основе анализа научно-гуманитарного дискурса выявлены прагматические типы фактуальных схем аргументации, предложены терминологические единицы для их обозначения. Эксплицированы прагматические различия аргументативных схем, использующих факт как пример, иллюстрацию, образец / антиобразец, элемент аналогии. Установлены закономерности применения фактуальных схем аргументации в дискурсе гуманитарных наук. Особое внимание уделяется проблеме идентификации способов эмпирического обоснования. Предлагается авторская система приемов распознавания фактуальных аргументативных схем. В этой связи рассматриваются формальные показатели (количество фактуальных посылок, степень развернутости аргументов, порядок следования тезиса и доводов, характер вербализаторов) и содержательные (контекст, ситуация, ироническая окраска высказывания). Обосновывается необходимость критического восприятия и анализа эмпирической аргументации, структура которой включает оценочные компоненты.

Ключевые слова: аргументативная схема, фактуальная схема аргументации, пример, иллюстрация, образец, аналогия, научно-гуманитарный дискурс.

Based on the analysis of scientific humanitarian discourse the pragmatic types of factual argument schemes are revealed, terminology units to designate them are proposed. Pragmatic differences of argumentative schemes, using a fact as an example, an illustration, a model/ anti-model, element of analogy are explicated. The regularities of applying the factual argument schemes in the discourse of the humanities are determined. Particular attention is paid to the problem of identifying the ways of empirical justification. The author's system of factual argumentation schemes recognition techniques is proposed. In this regard, formal indicators (number of factual assumptions, the degree of expansion of arguments, the order of the thesis and arguments, the properties of argumentative markers) and content ones (context, situation, ironic coloring of statements) are considered. The necessity of critical perception and analysis of empirical reasoning, the structure of which includes evaluation components is substantiated.

Keywords: argumentation scheme, factual argument scheme, example, illustration, model, analogy, scientific humanitarian discourse.

Принципиальным вопросом при построении аргументации является выбор способа связи ее структурных компонентов – тезиса (точки зрения / выражаемого мнения) и аргументов (доводов / посылок), иначе говоря, выбор аргументативной схемы (АС). Образую «внутреннюю структуру» аргументации, АС позволяет установить, «какие принципы, стандарты, критерии или общепризнанные факты были применены в той или иной попытке обосновать или опровергнуть тезис» [1, с. 21]. Существенно, что в отличие от логических схем, демонстрирующих формальную связь тезиса и посылок, в схемах аргументативных соединений конститuentов имеет прагматический характер [2, с. 81].

Построение аргументации, с одной стороны, ее понимание, реконструкция, анализ и оценка – с другой, невозможны без знания АС. Именно этим объясняется неизменный исследовательский интерес к данному объекту со времен Античности (достаточно вспомнить «Топику» Аристотеля и одноименное сочинение Цицерона, трактат «О воспитании оратора» Квинтилиана [3, с. 18–19]) до настоящего времени [4–6]. Результат внимания специалистов к АС – многочисленные их классификации. При всем многообразии, разноплановости, подчас противоречивости предлагаемых таксономий, представляется возможным выделить несколько инвариантных типов АС, один из которых мы обозначаем термином

«фактуальные, или эмпирические, схемы» (ФС).

Понятие фактуальной схемы аргументации

В авторской типологии¹ к фактуальным причисляются схемы, интегральным признаком которых служит использование в качестве аргументирующего положения суждения о частном случае (ситуации / событии / факте). Сущность ФС заключается в том, что достоверность тезиса аргументации обеспечивается обращением в посылках к эмпирическим данным. Такая форма обоснования – естественная, а потому довольно распространенная практика в дискурсе гуманитарных наук. Это заключение стало результатом когнитивно-прагматического анализа научных статей, относящихся к различным областям гуманитаристики: социологии, психологии, культурологии, лингвистике, журналистике. (Фактологическая база включает по 100 русско- и белорусскоязычных публикаций.) Авторы научных работ при обосновании своих идей, гипотез, мнений регулярно апеллируют к разного рода частным случаям, которые, приобретая статус фактов, формируют эмпирическую модель аргументации. Цель таких апелляций – убедить аудиторию в приемлемости определенной точки зрения, используя универсальный для АС механизм воздействия: если реципиент принимает аргументы, он должен согласиться с пропонируемым тезисом, учитывая конвенциональную связь между составными частями аргументации.

Конкретизация этого механизма применительно к ФС происходит с учетом прагматической специфики их разновидностей.

Типы фактуальных схем, их прагматические различия

Критерием дифференциации ФС выступает прагматическое значение. На этом основании они делятся на четыре вида и включают рассуждения, в которых факт используется как: 1) пример, 2) иллюстрация, 3) образец / антиобразец, 4) элемент аналогии.

Некоторые особенности этих разновидностей ФС были выявлены и описаны еще теоретиками античной риторики [4, с. 136–137]. Впоследствии эти характеристики уточнялись, приспособляясь к доминирующим научным парадигмам. Наибольшее признание получила неориторическая концепция Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки [8]. Ана-

лиз существующих подходов, а также результаты собственных теоретических изысканий позволяют представить характеристику основных видов ФС следующим образом.

Примеры в составе аргументации направлены на то, чтобы привести аудиторию к определенному обобщающему правилу, а также подкрепить сделанное обобщение. Факты-примеры обладают наибольшей аргументативной силой, поэтому к ним предъявляются повышенные требования: они должны быть понятными, достоверными, бесспорными, репрезентативными, разнообразными, стимулировать к переходу от единичного или частного к общему, то есть выполнять функцию типизации.

Цель обращения к фактам-иллюстрациям – подтвердить установленную закономерность, продемонстрировать ее значение с помощью конкретных реализаций, закрепить убежденность реципиента в правильности уже известного и принятого правила, усилить «эффект его присутствия» в сознании аудитории [8, с. 214]. В отличие от неудачного примера, который может поставить под сомнение приемлемость обобщающего положения и даже опровергнуть его, неадекватная иллюстрация не влечет таких серьезных последствий: она только демонстрирует некомпетентность аргументатора (непонимание доказываемого положения либо неспособность его подтвердить). Естественно потому, что требования к иллюстрации менее жесткие, чем к примеру: она может вызывать сомнения, быть не обязательно типичной, но эффективной, привлекать внимание, затрагивать эмоциональную сферу, воздействовать на воображение аудитории.

Апелляция к образцам используется, когда необходимо обосновать желательность определенного типа поведения, склонить к принятию той или иной модели действий. В случае если какой-либо факт играет противоположную роль – создает, по выражению Х. Перельмана, «эффект отталкивания» [8, с. 222], он рассматривается как антиобразец. Главный отличительный признак фактов моделирующего типа – оценочность (позитивная для образца, негативная для антиобразца). Кроме того, субъект, поведение которого подается как образцовое, должен «обладать минимумом престижа» [8, с. 219], только тогда его действия будут достойными подражания. Важно заметить, что необходимым условием эффективного ис-

¹ Рабочий вариант авторской типологии АС см. в: [7, с. 126].

пользования посылки-регламентаций является совпадение ценностных ориентиров пропонента и аудитории.

Задача применения аналогии – на основе сходства свойств каких-либо явлений или отношений между ними убедить реципиента в возможности сходного описания и / или оценки сопоставляемых фактов / событий. Прагматика аналогии базируется на логической закономерности: если предметы сходны в одних признаках, то они сходны и в других, значит, то, что истинно для одного предмета, то истинно и для другого [9, с. 17]. Аналогия может быть прямой / буквальной (если сопоставляемые ситуации являются однопорядковыми) и фигуральной / образной (если сравниваемые явления относятся «к разным классификационным рубрикам» [2, с. 85]. Чтобы правильно построить аргументацию по типу прямой аналогии, необходимо учитывать, что сходные признаки, положенные в основу сравнения, должны быть существенными, видообразующими, разнообразными, тесно связанными с переносимым признаком [9, с. 20–21]. Основанная на переходе от одного частного случая к другому, аналогическая схема не приводит к обобщению, но, стимулируя эвристический, познавательный, творческий потенциал аудитории, способна существенно усилить убеждающее воздействие.

В соответствии с дифференциальными признаками выделенных ФС, предлагаем ввести для обозначения прагматических типов эмпирического обоснования следующие варианты номинаций: 1) обобщающая / типизирующая ФС, 2) иллюстрирующая / подтверждающая ФС, 3) моделирующая / регламентирующая ФС, 4) аналогическая ФС. Конкретные проявления выделенных разновидностей ФС многообразны и обусловлены типом дискурса. Как показал анализ, использование ФС в научно-гуманитарном обосновании подчиняется определенным закономерностям.

Закономерности использования ФС в дискурсе гуманитарных наук

Важной особенностью эмпирической аргументации в гуманитарном дискурсе является проблематичность идентификации разных видов ФС. Универсальный способ решения этой актуальной практической задачи пока не найден. Авторский опыт проведения аргументативных исследований позволяет систематизировать приемы распознавания ФС.

При дифференциации обобщающих и подтверждающих ФС опорой могут служить формальные показатели. Прежде всего, это количество фактуальных посылок: для корректного обобщения требуется несколько типичных примеров, а функцию подтверждения обычно выполняет одна иллюстрация. Однако следует учитывать, что описание изолированного факта может вообще не иметь отношения к собственно аргументативной структуре, а рассматриваться как дополнительная информация, комментарий, пояснение, то есть как составная часть аргументативного ресурса, который только поддерживает аргументацию, но не создает ее [10, с. 30]. Кроме того, обобщающая схема может содержать только один пример, если переход к общему суждению для аргументатора самоочевиден.

Еще одним фактором дифференциации подтверждающих и типизирующих ФС выступает степень развернутости аргументов. Иллюстрация, как правило, детализируется за счет описания разного рода нюансов, чтобы привлечь внимание адресата, вызвать его эмоциональный отклик. Пример же, напротив, требует краткости и точности – его «следует предусмотрительно «ощипать» во избежание рассеивания мысли или ее отклонения от цели, намеченной оратором» [8, с. 215]. Эта прагматическая задача решается за счет использования множественного числа, а также путем введения в аргументацию совокупности примеров посредством разнообразных вариантов обобщенной формулы *Часто можно видеть, что...: Это подтверждено многими фактами, Как показывает повсеместная практика...; бел. Часцей і часцей мы становімся сведкамі..., Рэгулярна такія інцыдэнты адбываюцца...* и т. п.

Значимым является порядок следования тезиса и доводов: чаще всего препозитивные по отношению к точке зрения фактуальные послылки рассматриваются как примеры, а постпозитивные – как иллюстрации. Такой подход отражает естественное движение мысли по инерции от частного к общему, поэтому кажется очевидным. Однако нужно учитывать, что последовательность подачи фактов в естественно-языковой коммуникации не является фиксированной, а определяется прагматикой высказывания. В случае если обобщающий тезис – парадоксальное положение, лучше подготовить к нему ряд примеров, а если защищаемое мнение не

относится к разряду сложных и противоречивых, пример вполне уместен и после обобщения.

При разграничение примера и иллюстрации формальные показатели не всегда срабатывают, что демонстрируется следующей аргументативной конструкцией: Изучение разнообразия и его классификация – необходимый компонент научного анализа той или иной предметной области. *Прогресс биологии был бы невозможен без порядка, наведенного в классификации живых организмов К. Линнеем* [ВЯ¹, с. 19]. В данном случае ФС квалифицируется как обобщающая, несмотря на единичность примера и его постпозицию по отношению к тезису.

Еще одним приемом, способным помочь в распознавании типов ФС, является способ языковой репрезентации. Так, типичными индикаторами примеров и иллюстраций можно считать выражения разной лексико-грамматической природы типа: *Результаты многочисленных исследований подтверждают...; Полученные данные свидетельствуют о...; Приведенные выше примеры показывают, как...; бел. Гэта сведчыць пра тое, што...; Рэзультаты даследавання пацвярджаюць наступную гіпотэзу...; Пацверджаннем / сведчаннем гэтага служыць... и т. п.* Показателями рассуждений по аналогии обычно служат речевые конструкции с семантикой сравнения, сопоставления, противопоставления, которые, впрочем, далеко не всегда формируют АС: *Беларуская журналісцкая навука новую канцэпцыю <...> пакуль што не прапанавала. А патрэба ёсць. Бо вобразы нашых выданняў падкрэслена аднабаковыя. Падобныя на застылыя твары анфас. Як у кінастужцы, калі фіксуецца статыка: кадры мяняюцца, а карцінка застаецца тая ж* [БД1, с. 155]. Выделенные в этом фрагменте языковые единицы вводят риторическое сравнение, а не аналогическую ФС (впрочем, понять это можно только при анализе конситуации).

Что касается регулярно используемых в качестве маркеров эмпирической аргументации лексем *факт, пример, иллюстрация / факт, пример, иллюстрация*, вербализаторов *так, например / так, например*, они характеризуются ослабленной семантикой – демонстрируют прагматическую многозначность и используются недифферен-

цированно: *Этот пространственный пример, демонстрирующий, конечно же, только фрагментарно существо дискурсивного анализа в концепции немецкого исследователя, представляется нам необходимой, хотя и эпизодической иллюстрацией того, как развивается его методология и основные принципы* [ФН, с. 74].

Если примеры и иллюстрации поддерживают дескриптивные (описательные) высказывания (о том, что есть), то образцы / антиобразцы участвуют в обосновании аксиологических (оценочных) суждений (о том, что должно быть). Присоединение оценочных квалификаторов к лексеме *пример / прыклад* – один из способов вербализация моделирующих ФС: *У айчыннай прэсе назіраецца паступовае вяртанне да роздуму, меркавання. Хаця гэтым вызначаюцца далёка не ўсе выданні, маюцца даволі станоўчыя прыклады. Так, мяняе інфармацыйную тактыку «СБ. Беларусь сегодня»...* [ВБДУ, с. 84].

В случае несовпадения лексического и прагматического значений маркеров эмпирической аргументации к их распознаванию подключаются содержательные критерии: *Усвоение социальных и культурных норм, в принципе, мало чем отличается от усвоения через практику падений закона всемирного тяготения, а через болезненный ожог умения правильно обращаться со спичками* [НПЖ, с. 21]. Конситуативный анализ позволяет установить, что вербальный маркер аналогии, актуализируя прагматически омонимичное значение, в действительности вводит факты-примеры, формирующие типизирующую ФС.

Кроме конситуативных факторов к содержательным критериям дифференциации ФС можно отнести ироническую окраску высказывания, которая часто сопровождает описание фактов-антиобразцов, а также является атрибутом иллюстративной и аналогической ФС (их разграничение происходит с опорой на контекст): *Да, безусловно, в сети можно общаться, знакомиться и даже любить друг друга, правда детей от этого не бывает. <...> Интернет-партнер – это вариант индивидуального мифа, нечто вроде карманной кинозвезды, о которых грезили наши родители, но они хотя бы нашли время, чтобы родить нас* [НПЖ, с. 25].

Закономерным для научно-гуманитарного обоснования является сочетание нескольких ФС, выступающих в разных комбинаци-

¹ Здесь и далее при ссылках на источники фактического материала используются условные обозначения (см. Список условных сокращений в конце статьи).

ях, а также синкретическое их употребление: *Компьютер стоит слишком дорого. Как сделать их дешевле? <...> Может быть, снизить пошлины на компьютеры? По этому пути идут даже развитые государства. Скажем, в Италии <...>. Возможно, нам так же следует поступить* [ВМУ, с. 9–10]. В приведенной аргументации аналогия и образец практически неразделимы: их объединяет имплицитная позитивная оценка модели действий, выступающей частью сравнительной схемы.

Еще одной характерной особенностью научно-гуманитарного дискурса является присутствие, наряду с имплицитной, также открытой оценочности. Сознательное либо неосознанное стремление аргументатора усилить обоснование выражается в использовании оценочных квалификаторов (эта тенденция отчетливо прослеживается в гуманитаристике). Они многообразны, отличаются разной степенью регулярности, некоторые приобретают клишированный характер, другие несут отпечаток авторской индивидуальности: **ярким** примером тому являются, данные **со всей очевидностью** свидетельствуют о том, что, все это **ясно** указывает на, **явно** свидетельствует о том, что, является **одним из самых заметных** показателей; бел.: **яркім** прыкладам з'яўляецца; **наглядна** ілюструе сказанае, **найбольш значным** паказчыкам стала, **знакавым** фактам змен можа служыць, **гэта зусім справядліва** дае падставу лічыць, **красамоўна** сведчыць аб і т. п.

Здесь уместно напомнить, что операторы аксиологической модальности, нацеленные на формирование отношения к факту, являются легитимными лишь в регулирующих ФС. В случаях аналогических и иллюстрирующих ФС их можно квалифицировать как допустимые. Сопутствующая оценочности эмоциональность в оформлении эмпирической аргу-

ментации должна быть сдержанной и соотноситься с характером дискурса. Допустим, если речь идет о подтверждающей (иллюстрирующей) статистике, то предпочтительно, чтобы она вызывала не только и не столько эмоциональный отклик, сколько рациональный.

Принципиально осознать, что все типы ФС уязвимы и не дают достоверного знания: они представляют собой индуктивные рассуждения, послышки которых не гарантируют истинности тезиса, но лишь придают ему большую или меньшую степень вероятности / правдоподобия. Из этого следует, что эмпирическая аргументация, структура которой включает оценочные компоненты, требует критической интерпретации: *С фактами вымогательства взяток по личному опыту знаком каждый второй из числа опрошенных нами соотечественников. Это – плохая новость, поскольку данный факт является убедительным свидетельством широкой распространенности бытовой коррупции в нашем обществе* [СА, с. 141]; **Факт** узвядзення журналістам царквы за грошы, заробленыя на газетным бізнесе, пераконвае, што журналістыка дамаглася магчымасці таксама справаваць сябе ў пошуках новых светапоглядных арыенціраў для грамадства [БД2, с. 111]. Выделенные в приведенных фрагментах выражения нельзя воспринимать буквально, но следует рассматривать не более чем риторический прием: факты не имеют доказательной силы, а их убеждающая сила детерминирована многочисленными дискурсивными параметрами.

Представленная авторская типология схем эмпирического обоснования, выявленные и охарактеризованные закономерности их использования, предложенная система приемов идентификации ФС могут рассматриваться как методологическая база для продуцирования и анализа фактуальной аргументации в дискурсе гуманитарных наук.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БД1 – Стральцоў, Б. Масавая інфармацыя без удзелу мас? / Б. Стральцоў // Беларуская думка. – 2003. – № 12. – С. 154–158.
 БД2 – Вараб'ёў, В. Не «чацвёртая ўлада», а палітычны інстытут грамадства! / В. Вараб'ёў // Беларуская думка. – 2003. – № 4. – С. 108–118.
 ВБДУ – Іўчанкаў, В. І. Слова і ісціна ў парадыгме сучаснай журналістыкі / В. І. Іўчанкаў // Веснік БДУ. Серыя 4. – 2011. – № 2. – С. 83–86.
 ВМУ – Засурский, Я. Н. Информационное общество в России: парадоксы элитарного Интернета / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 4–13.

LIST OF ABBREVIATIONS

- BD1 – Straltsou, B. Masavaya infarmatsyya bez udzhelumas? / B. Straltsou // Belaruskaya dumka. – 2003. – № 12. – S. 154–158.
 BD2 – Varabyou, V. Ne “chatsvyortaya ulada”, a politychny instytut gramadstva! / V. Varabyou // Belaruskaya dumka. – 2003. – № 4. – S. 108–118.
 VBUDU – Iuchankau, V. I. Slova i itsina u paradygme suchasnay zhurnalistyki / V. I. Iuchankau // Vesnik BDU. Seryya 4. – 2011. – № 2. – S. 83–86.
 VMU – Zasurskiy, Ya. N. Informatsionnoye obshchestvo v Rossii: paradoksy elitarnogo Interneta / Ya. N. Zasurskiy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. – 2001. – № 6. – S. 4–13.

- ВЯ – Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
- НПЖ – Тхостов, А. Ш. Культура и патология: побочные эффекты социализации / А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов // Национальный психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 20–27.
- СА – Бубнов, Ю. М. Коррупция как социальная болезнь / Ю. М. Бубнов // Социологический альманах. Вып. 2. – Минск : Беларуская навука, 2011. – С. 138–149.
- ФН – Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В. Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 68–76.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eemeren, F. H. van.* The State of the Art in Argumentation Theory / F. H. van Eemeren // *Crucial Concepts in Argumentation Theory.* Frans H. van Eemeren (ed.). – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 11–26.
2. *Garssen, B. J.* Argument Schemes / B. J. Garssen // *Crucial Concepts in Argumentation Theory.* Frans H. van Eemeren (ed.). – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 81–99.
3. *Zompetti, J. P.* The Value of Topoi / J. P. Zompetti // *Argumentation.* – Vol. 20. – Num. 1, 2006. – P. 15–28.
4. *Braet, A. C.* The Oldest Typology of Argumentation Schemes / F. C. Braet // *Argumentation.* – Vol. 18. – Num. 1, 2004. – P. 127–148.
5. *Katzav, J.* On Argumentation Schemes and the Natural Classification of Arguments / J. Katzav, C. A. Reed // *Argumentation.* – Vol. 18. – Num. 2, 2004. – P. 239–259.
6. *Wohlrapp, H.* A New Light on Non-deductive Argumentation Schemes / H. Wohlrapp // *Argumentation.* – Vol. 12. – Num. 3, 2004. – P. 341–350.
7. *Савчук, Т. Н.* Аргументативные схемы в гуманитаристике: дидактический аспект / Т. Н. Савчук // Карповские научные чтения : сб. науч. статей. Вып. 10. В 2 ч. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2016. – Ч. 1. – С. 124–129.
8. *Перельман, Х.* Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации»; пер. с франц. / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 207–264.
9. *Савчук, Т. Н.* Логика: в 3 ч. Ч. 3. Недедуктивные выводы. Логические основы общения / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд-во МИУ, 2004. – 51 с.
10. *Алексеев, А. П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.

- VYa – Kibrik, A. A. Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov / A. A. Kibrik // *Voprosy yazykoznaneya.* – 2009. – № 2. – S. 3–21.
- NPZh – Tkhostov, A. Sh. Kultura i patologiya: pobochnyye efekty sotsializatsii / A. Sh. Tkhostov, K. G. Surnov // *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal.* – 2006. – № 1. – S. 20–27.
- SA – Bubnov, Yu. M. Korruptsiya kak sotsialnaya bolezn / Yu. M. Bubnov // *Sotsiologicheskiy almanakh.* Vypusk 2. – Minsk : Belaruskaya navuka, 2011. – S. 138–149.
- FN – Chernyavskaya, V. Ye. Ot analiza teksta k analizu diskursa: nemetskaya shkola diskursivnogo analiza / V. Ye. Chernyavskaya // *Filologicheskiye nauki.* – 2003. – № 3. – S. 68–76.

REFERENCES

1. *Eemeren, F. H. van.* The State of the Art in Argumentation Theory / F. H. van Eemeren // *Crucial Concepts in Argumentation Theory.* Frans H. van Eemeren (ed.). – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 11–26.
2. *Garssen, B. J.* Argument Schemes / B. J. Garssen // *Crucial Concepts in Argumentation Theory.* Frans H. van Eemeren (ed.). – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. – P. 81–99.
3. *Zompetti, J. P.* The Value of Topoi / J. P. Zompetti // *Argumentation.* – Vol. 20. – Num. 1, 2006. – P. 15–28.
4. *Braet, A. C.* The Oldest Typology of Argumentation Schemes / F. C. Braet // *Argumentation.* – Vol. 18. – Num. 1, 2004. – P. 127–148.
5. *Katzav, J.* On Argumentation Schemes and the Natural Classification of Arguments / J. Katzav, C. A. Reed // *Argumentation.* – Vol. 18. – Num. 2, 2004. – P. 239–259.
6. *Wohlrapp, H.* A New Light on Non-deductive Argumentation Schemes / H. Wohlrapp // *Argumentation.* – Vol. 12. – Num. 3, 2004. – P. 341–350.
7. *Savchuk, T. N.* Argumentativnyye skhemy v gumanitaristike: didakticheskiy aspekt / T. N. Savchuk // *Karpovskiy nauchnyye chteniya : sb. nauch. statey.* Vyp. 10. V 2 ch. / redkol.: A. I. Golovnya (otv. red.) [i dr.]. – Minsk : IVTs Minfina, 2016. – Ch. 1. – S. 124–129.
8. *Perelman, Kh.* Iz knigi “Novaya ritorika: traktat ob argumentatsii”; per. s frants. / Kh. Perelman, L. Olbrekht-Tyteka // *Yazyk i modelirovaniye sotsialnogo vzaimodeystviya.* – M. : Progress, 1987. – S. 207–264.
9. *Savchuk, T. N.* Logika: v 3 ch. Ch. 3. Nededuktivnyye vyvody. Logicheskiye osnovy obshcheniya / T. N. Savchuk. – Minsk: Izd-vo MIU, 2004. – 51 s.
10. *Alekseyev, A. P.* Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy / A. P. Alekseyev. – M. : Progress-Traditsiya, 2006. – 328 s.